

СКОЛЬКО ни пишется книг и статей об искусстве, о тех, кто его делает, психология творчества, лаборатория таланта по-прежнему одна из самых загадочных вещей на свете. К таланту режиссера это относится в полной мере. Удивительно интересно рассказал о самом трудном в работе дирижера Евгений Мравинский — об огромном, даже мучительном труде наедине с партитурой и о «страшной» встрече с оркестром, впервые реализующим его замысел. Ибо звучание оркестра — это не только умножение личности дирижера на личность каждого из музыкантов, это еще и тысячи случайностей вплоть до сегодняшнего настроения оркестранта, зависящего от множества жизненных обстоятельств.

У дирижера драматического театра — его главного режиссера — к подобным трудностям добавляется еще одна: в момент, когда спектакль идет, режиссер уже не может управлять людьми, быть с ними каждую минуту сценического времени. Значит, точность мысли и естественность жизни на сцене должны быть прочно обеспечены работой, предшествующей открытию занавеса. А эта работа — вся духовная и вся профессиональная жизнь театра в их нераздельности.

О таких вещах нередко задумываешься после встречи со спектаклями Ивана Тимофеевича Бобылева, после общения с ним самим. В пермской драме и в прошлом были интересные, одаренные режиссеры. И. Т. Бобылев — один из самых органичных, из тех, кто, кажется, не мог не стать режиссером, немислим вне этой профессии. Ему сокровенно интересен сам язык искусства, его неисчерпаемые темы и возможности. Он оптимист по отношению к человеку и потому не боится ни «идеальных», ни противоречивых характеров, судеб, крутых поворотов сюжета.

Он оптимист и по отношению к зрителю и не склонен идти на упрощение мысли и

образа. Упрямо верит в создание в ходе каждого спектакля общего со зрителем языка — точного, немногословного, емкого. И. Т. Бобылев — один из тех, кто точно вошел в духовную атмосферу нашего города и вписал в нее свои спектакли. Есть что-то общее в режиссерской палитре Бобылева с четкими ракурсами Е. Широкова, психологизмом А. Домнина, А. Решетова, с реалистической вдумчивостью В. Астафьева.

В работе режиссера множество измерений. В газетной статье нельзя сказать обо всем, о чем думают, спорят его товарищи по сцене, зрители и рецензенты. Мы хотим сказать прежде всего о том, на чем сходятся все, — о содержательности бобылевского человека на сцене, будь то герои русской классики или современных советских или зарубежных драматургов, об интересе режиссера к реальному человеку, в котором идет неустанная духовная работа, познание себя, своих связей с временем, своего человеческого достоинства. Разве не таковы были Сатин (П. Вельяминов) и Пепел (В. Саитов), не таковы сегодня Жадов (В. Дроздов) и Досуев (Ю. Крендель), Билл Старбак (В. Гинзбург) и Лиз (В. Михайлова)? Иногда типы

бобылевских спектаклей близки друг другу, иногда предельно противоположны. Но все эти образы объединяет сценически выразительная дистанция между прологом и результатом. Персонажи Бобылева никогда не бывают рупорами актеров и режиссера, обнаруживая глубокий человеческий потенциал. Пожалуй, программнее всего это выразилось в спектакле «На дне» — одном из самых интересных в стране спек-

действия спектакля, каждым поступком они все время как бы осмысливают себя, место свое на свете, в повседневной жизни, зная «цену себе», настойчиво перепроверяют ее. Одни — для самоутверждения, в котором нуждаются, ибо не уверены в себе по-настоящему. Другие — ради истины, ради честного взгляда на жизнь и чистой совести.

Такая сверхзадача во многом определила и стиль режиссер-

помнят, как несколько лет назад по-крупному заявил о себе В. Расцветаев в оригинально решенном, глубоким и психологически достоверном образе царя Федора в трагедии А. К. Толстого. Образе, сложившемся в ходе смелой и одухотворенной работы актера и режиссера.

Актеры, труппа, ансамбль. Об этих проблемах думает каждый главный режиссер. Основа ансамбля в постановках И. Т. Бобылева — это единство понимания идейной, творческой задачи, общность позиции всех, кто делает спектакль. Сегодня можно говорить о развитии коллектива театра как единого целого. В жизни театра наступил этап, когда труппа, думая о новых постановках, уже ищет «своего режиссера» — творческого единомышленника. А это явный признак решительного изживания репертуарной всеядности и стилевой пестроты, столь характерной еще для многих театров. Иная, более высокая качественная ступень.

В театр пришли сегодня новые режиссеры, со своей школой, своим почерком. Каждый из них по-своему, как и Бобылев, все более активно стремится овладеть современной темой. В сегодняшних принципах Пермского драматического театра, в художественном опыте его главного режиссера, ныне заслуженного деятеля искусств РСФСР, заключена основа интересных творческих решений современных спектаклей, которая позволяет делать их масштабно, не повторяясь, не обходя типы злободневные, во всей их жизненной сложности и проблемной остроте. Ведь сценическая жизнь героя, тем более современного, в этом театре каждый раз проживается заново и должна вести нас к идейному и нравственному открытию, о котором еще не знаем, но которого ждем.

Р. КОМИНА.

ТАЛАНТ РЕЖИССЕРА